

ДЕБОРА ТУЭРХАЙМЕР

ЭКС-ПРОКУРОР, СПЕЦИАЛИСТ
ПО ПРАВОВЫМ ВОПРОСАМ В ОБЛАСТИ
СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ

ОБВИНЯЯ ЖЕРТВУ

ПОЧЕМУ МЫ
НЕ ВЕРИМ
ЖЕРТВАМ
И ЗАЩИЩАЕМ
НАСИЛЬНИКОВ

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Бестселлеры саморазвития

Дебора Туэрхаймер

**Обвиняя жертву. Почему
мы не верим жертвам и
защищаем насильников**

«ЭКСМО»

2021

УДК 159.9
ББК 88.5

Туэрхаймер Д.

Обвиняя жертву. Почему мы не верим жертвам и защищаем насильников / Д. Туэрхаймер — «Эксмо», 2021 — (Бестселлеры саморазвития)

ISBN 978-5-04-177662-6

«Сама виновата». «Ты его спровоцировала». «В следующий раз одевайся скромнее», «А что ты сделала, чтобы он тебя не бил?» Эта книга — большое исследование виктимблейминга и попытка показать, как наша культура, правовая система и психика сформировали целый набор когнитивных искажений и предубеждений, которые позволяют насильникам оставаться безнаказанными, направляя вину в сторону жертв. Экс-прокурор и специалист по правовым вопросам в области сексуального насилия Дебора Туэрхаймер рассказывает истории о людях, переживших сексуальное насилие, и рассматривает эти истории через призму доверия. Как на основе такой хрупкой материи мы решаем, кто говорит правду? Как мы выбираем, на чью сторону встать — его или ее? И что может уберечь жертв насилия от виктимблейминга? В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 159.9

ББК 88.5

ISBN 978-5-04-177662-6

© Туэрхаймер Д., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Примечание автора	6
Введение	7
Глава 1. Вдоль осей власти. Как работает комплекс доверия	11
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Дебора Туэрхаймер
Обвиняя жертву. Почему мы не верим
жертвам и защищаем насильников

© 2021 by Deborah Tuerkheimer

Published by arrangement with Harper Wave,
an imprint of HarperCollins Publishers.

© Бортник В. О., иллюстрации, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Посвящается пережившим насилие

Примечание автора

Истории, которыми я поделюсь в этой книге, показывают, к каким последствиям приводят сексуальное насилие и домогательства. Разумеется, эти страницы я могла бы просто посвятить отважным людям, которые справились с негативным опытом. Но я решила выделить случаи, демонстрирующие определенные шаблоны общественного поведения в отношении жертв насилия, и дать голос тем, кого так редко выслушивают. В моих историях вы увидите, какой опыт переживают люди, которые решаются обвинить кого-то в насилии. В некоторых случаях я изменила имена и личные характеристики, чтобы сохранить конфиденциальность.

Я использую слова «жертва» и «справившаяся с насилием»¹ как взаимозаменяемые, кроме тех случаев, когда контекст требует конкретизации или когда описываемый человек предпочитает определенное понятие. Оба термина подчеркивают, сколько вреда наносит сексуальное насилие, насколько сложно излечиться до конца от последствий травмы (порой это вовсе невозможно) и сколько требуется сил, чтобы двигаться дальше. Как выразилась писательница Донна Фрейтас²: «Я справилась с произошедшим, но все же остаюсь жертвой. И весь этот опыт теперь со мной навсегда».

Хотя мальчики и мужчины тоже страдают от сексуального насилия, девочки и женщины составляют большинство среди жертв абьюза. Не секрет и то, что чаще всего насильниками являются мужчины. Используя гендерные местоимения при описании жертв и преступников, я подразумеваю, что жертвой является женщина, а преступником – мужчина, поскольку это самая распространенная модель насилия.

Власть преступника позволяет ему пользоваться чужой уязвимостью и защищает его. По сей день большая часть случаев абьюза остается без внимания, а общественные конструкты, позволяющие насилию произойти, продолжают существовать. Гендер неотделим от сексуального насилия и его последствий. Эти факторы формируют реальность, где происходят события, о которых я расскажу дальше.

¹ В русском языке нет точного аналога английскому понятию *survivor*, которым обозначают человека, прошедшего через трудности (не обязательно угрожающие жизни) и способного жить дальше. В большинстве случаев *survivor* переводится в этой книге как *жертва*, если иного не требует контекст. – *Прим. пер.*

² Донна Фрейтас – американская ученая, преподаватель, писатель, автор художественной и научно-популярной литературы. Одна из ее книг – «Девять жизней Роуз Наполитано», которая выйдет в России в издательстве МИФ в 2022-ом году. Здесь и далее – *прим. ред.*

Введение

Однажды утром в конце февраля 2020-го года я подошла к зданию уголовного суда в Нижнем Манхэттене, где в начале своей карьеры работала прокурором. В те времена я специализировалась на гендерном насилии, и многие случаи из практики хорошо помню до сих пор. Именно о них я думала, в частности, о жертвах абьюза, когда пробиралась сквозь толпу. В тот день я вернулась в суд из-за дела против Харви Вайнштейна³. Я внимательно следила за этим процессом, находясь в Северо-Западном университете. Теперь же я, наконец, могла наблюдать его вживую.

Я находилась в зале суда, когда после пятидневного обсуждения присяжные объявили, что вынесли вердикт. И это было чем-то экстраординарным: подавляющее большинство жалоб на сексуальное насилие обычно не приводит даже к аресту, не говоря уже об обвинении, судебном преследовании или осуждении подозреваемого. В США лишь около 20 % поданных в полицию заявлений, связанных с насилием, приводят к аресту. А в некоторых странах этот показатель еще ниже. Когда дело все-таки доходит до суда, на плечи присяжных ложится тяжелый груз, если выясняется, что обвинительница и обвиняемый были знакомы. А когда обвиняемый еще и влиятельный человек, привлечение к ответственности – редчайшее исключение из общего правила безнаказанности.

С делом Вайнштейна будто началась новая эпоха. Беспрецедентное освещение преступлений голливудского магната превратило шепот жертв в громогласный хор публичных обвинений. Хештег *#MeToo*⁴ захватил интернет. Люди из разных общественных слоев делились своими историями и разоблачали насилие в издательском бизнесе, моде, музыке, спорте, рекламе, кино, благотворительности, гостиничном бизнесе, IT-секторе, юриспруденции, академических кругах, технологичных отраслях, политике, на производствах и много где еще. К тому моменту прошло уже 10 лет с тех пор, как Тарана Берк⁵ основала движение *Me Too*, направленное на расширение прав и возможностей жертв сексуального насилия, особенно небелых девочек и женщин. Именно благодаря этому движению сексуальное насилие стало главной темой наших повседневных разговоров, когда Вайнштейн предстал перед судом.

С подъемом *#MeToo* активисты и правозащитники решили использовать хештег для продвижения системных изменений. И кое-чего они добились. Власти более чем 10 штатов запретили соглашения о неразглашении, с помощью которых Вайнштейн столько лет заставлял женщин молчать. Несколько штатов расширили определение сексуального домогательства, чтобы охватить больше его форм и защитить больше жертв, например, независимых подрядчиков и стажеров. Несколько штатов продлили срок подачи заявления о сексуальных домогательствах с момента совершения преступления.

Несмотря на первоначальные успехи, дальнейшие институциональные и культурные изменения остановились. Отвоеванных юридических послаблений все еще недостаточно. Сегодня во всех штатах и федеральных судах – и гражданских, и уголовных – продолжают действовать законы, снижающие доверие к обвинительницам.

За пределами правовой системы ситуация еще хуже. В повседневной жизни нам приходится быстро решать, кому доверять, когда коллега рассказывает о домогательствах, когда кто-то вполголоса советует быть осторожнее с начальником, когда подруга делится болью от дав-

³ Харви Вайнштейн – американский кинопродюсер, бывший член правления и сооснователь компании *Miramax Films*. В 2017-ом году Вайнштейна массово обвинили в сексуальном насилии, а в 2020-ом году суд принял решение по делу.

⁴ Хештег *#MeToo* (*#ЯТоже*) распространился в социальных сетях в 2017-ом году после скандала вокруг Вайнштейна. Хештег подчеркивает осуждение сексуального насилия и домогательств.

⁵ Тарана Берк – американская активистка-правозащитница, феминистка. Неоднократно подвергалась насилию. Известна тем, что помогает молодым девушкам из маргинальных сообществ, жертвам сексуального насилия.

него или только произошедшего сексуального насилия, когда знакомые обвиняют друг друга в социальных сетях, когда в адрес любимого политика, актера или спортсмена выдвигают обвинения.

Всякий раз, оценивая достоверность слов, мы даем оценку и самому говорящему.

Судить о правдивости суждений – значит обладать властью, потому что доверие само по себе можно назвать формой власти. Тем не менее мы пользуемся этой властью весьма неосмотрительно – и как общество, и как личности. Это касается даже людей с самыми благими намерениями, в том числе лояльных к #MeToo.

Сами того не заметив, мы попали под влияние сил, образующих, как я его называю, *комплекс доверия*. Эти силы искажают наши суждения, заставляя больше доверять подозреваемым, чем жертвам. Женщины сталкиваются с недостатком доверия гораздо чаще, и такие ситуации приносят им крайне негативный опыт. В то время как мужчины, защищенные более высоким статусом или положением, пользуются полным доверием общества.

Есть два основных фактора, формирующих комплекс доверия. Первый – это культура. Эта общая система смыслов, какими бы спорными они ни были, до самых глубоких слоев пронизана комплексом доверия. Социальный антрополог Адам Купер определяет культуру как *«совокупность идей и ценностей, коллективный склад ума»*. Хотя наша общая система смыслов может казаться раздробленной, она все же существует. Важно здесь то, что эту культуру нельзя изолировать от социального контекста, определяемого резким дисбалансом сил. В историях, которые я расскажу, иерархии, неравенство, уязвимость и привилегии играют ключевую роль.

Наша культура преломляется через поведение и взгляды людей. И в следующих главах вы увидите, что само общество подпитывает комплекс доверия. Люди, работающие в определенных системах, влияют на распределение доверия. Полицейские, представители школьных администраций и главы компаний займут важное место в этом исследовании. Но поддерживают жизнь комплекса доверия и наши друзья, соседи, родители и коллеги. Никто из нас не может выйти за пределы культурных норм или избежать их влияния на свои представления. Культурная психология рассматривает человеческую психику как одновременно *и* продукт культуры, *и* ее создательницу. Когда дело доходит до комплекса доверия, индивидуальная психология отражает и подпитывает коллективную реакцию на обвинения в насилии.

Нравится нам это или нет, но мы все *«маринуемся»* в одной культурной бочке. Некоторые из нас знают о влиянии этой силы больше, чем другие. Некоторым удастся осознать и проработать простейшие ошибки и предубеждения. Кто-то опирается на опыт сексуальных домогательств, которые также влияют на принятие решений о доверии. Многие из нас серьезно задумались о насилии, его причинах и последствиях, прочитав многочисленные истории под хештегом #MeToo. Но ни у кого нет иммунитета к культурному влиянию – даже у тех, кто сам пережил насилие.

Закон – еще одна важная движущая сила комплекса доверия. Мы часто забываем про одну из его главных функций – формирование общественных ценностей и позиций.

«Закон действует даже тогда, когда мы этого не замечаем», – пишет правовед Наоми Мезей.

По ее словам, во всех наших отношениях, в том числе интимных, правовые нормы устанавливают *«фундамент, на который мы опираемся, принимая решения о жизни и собственной идентичности»*.

Эти нормы очень обширны: правовая система похожа на лабиринт. В нее входят и уголовные законы, которые определяют наказание за конкретный вид поведения, и законы, запре-

щающие определенные формы дискриминации, и интерпретирующие законы судебные заключения, и нормы, определяющие допустимые в суде доказательства, и процедуры рассмотрения гражданских и уголовных дел. Эти источники права принципиальны для формирования комплекса доверия.

Поскольку закон встраивается в культурный контекст, он выявляет проблемы, которые иначе можно было не заметить. Но, как заметила социолог Сьюзен Силби⁶, «закон не просто отражает или кодирует сложившиеся естественным образом нормы». По ее мнению, закон также сам создает культуру:

«Закон – это часть культурных процессов, которая играет огромную роль в формировании социальных отношений».

Закон обнажает комплекс доверия, одновременно его укрепляя.

* * *

В 2017-ом году общество признало Харви Вайнштейна образцовым злодеем. Но суд считал иначе: на Вайнштейна, как и на всех подозреваемых, распространялась презумпция невиновности, поэтому он оставался невиновным до предъявления неоспоримых доказательств обратного. Сторона обвинения опиралась на слова обвинительниц, доверие к которым было принципиально важно и слова которых на каждом этапе этого пути подвергали большим сомнениям.

Тяжелый и болезненный перекрестный допрос со стороны защиты Вайнштейна вызвал нескончаемые подозрения в отношении жертв. Их изображали лгуньями и охотницами за богатством или славой. Им говорили, что они сами виноваты в произошедшем. Их представляли как женщин, которые желали отомстить, которые сожалели, что переспали с Вайнштейном, как утверждала защита, по обоюдному согласию. Их бесконечно спрашивали, почему они молчали так долго и продолжали дружить с продюсером после предполагаемого насилия.

Так дискредитируют женщин уже многие годы. Так говорят с жертвами не только в зале суда: с нехваткой доверия женщины сталкиваются всегда, когда рассказывают о пережитом насилии. Чаще всего в словах жертвы сомневаются близкие люди, которым она доверяет больше всего. В ловушки, расставленные защитой Вайнштейна, мог бы попасться любой из нас.

Пока присяжные возвращались в зал суда, я наблюдала, как судебные приставы окружали Вайнштейна в предвкушении приговора. Это был особенный момент не только для храбрых жертв продюсера, но и для всех, кто пережил насилие, а также для желающих узнать, можно ли вопреки всему добиться справедливости. *Виновен*. Обвинительницам поверили: присяжные признали, что насилие действительно произошло, что это было неправильно, а страдания жертв имеют значение. Этим женщин сочли заслуживающими доверия.

Приговор Вайнштейну стал грандиозной победой. Но меня беспокоило, что для ее достижения потребовалось сделать так много. Шесть жертв дали показания в суде, но еще десятки женщин поделились своими историями о насилии со стороны Вайнштейна, усилив давление на полицию и прокуратуру. Если для завоевания доверия потребовались свидетельства стольких людей, что происходит в более типичных случаях, когда жертва всего одна? И если доверие завоевывают только определенные обвинительницы (большинство жертв Вайнштейна были белыми женщинами), что происходит, когда о насилии заявляют небелые женщины и женщины из других маргинализованных групп? Эти острые вопросы показывали, что цель, заданную *#MeToo*, так никто и не достиг.

⁶ Сьюзен Силби – социолог, профессор права Массачусетского технологического института, один из ведущих авторов, исследующих проблемы правовой культуры.

Всю свою карьеру – от прокурора по делам сексуального насилия до правоведа – я наблюдала, как комплекс доверия допускает безнаказанность виновных. И я пришла к выводу, что положить этому конец мы можем, лишь изменив наш подход к доверию. Я убедилась в этом не только как юрист, но и как женщина. Влиятельные люди делают многое, чтобы сохранить патриархальный статус-кво. Ничего не изменится, пока мы не начнем работать с доверием и властью, которой оно обладает.

Комплекс доверия распределяет эту власть неравномерно и несправедливо. Мы увидим, что жертвы из маргинализованных групп больше всего страдают от тенденции ставить слова обвинительниц под сомнение. Небелые женщины, бедные женщины, женщины с ограниченными возможностями, представительницы ЛГБТК, женщины-иммигрантки – этим обвинительницам едва ли поверят не только официальные должностные лица, но и самые близкие люди. Доверие к ним зависит от того, на какой ступени нашего помешанного на иерархии общества они находятся. Жертвы часто осознают свои перспективы и предпочитают молчать о пережитом насилии.

Когда женщины все же решаются поделиться своей болью, комплекс доверия вынуждает нас их отвергать. Не верить их версии произошедшего. Обвинять в насилии их самих. Игнорировать их страдания. Точно так же из-за комплекса доверия мы склонны больше доверять обвиняемым мужчинам. Принимать их оправдания. Снимать с них вину. Не препятствовать их стремлению избежать ответственности. Чаще всего эта тенденция нас пересиливает. И дело не в том, что мы плохие люди или хотим обернуть все против женщин. Просто наша культура всегда дискредитировала жертв насилия и домогательств.

Но мы можем положить этому конец. Когда мы поймем, что и как искажает наши взгляды, мы станем разумнее распорядиться властью доверия.

В этой книге на примере очень личных историй вы увидите, как работает комплекс доверия. Вы узнаете, что женщины страдают не только от самого насилия, но и от того, что оно за собой влечет. Некоторые участники этих историй будут вам знакомы – Харви Вайнштейн, Джеффри Эпштейн⁷, Ар Келли⁸, Ларри Нассар⁹, Билл Косби¹⁰, Бретт Кавано¹¹, Дональд Трамп. На произошедшее мы посмотрим по-новому – через оптику комплекса доверия.

Но большинство женщин, о которых я рассказываю в этой книге, пострадало от самых обычных мужчин, и их истории не печатали в газетах.

Этим женщинам тоже пришлось пережить не только насилие, но и его последствия. И они тоже ничего не смогли добиться – не только от обидчика, но и от окружающих, которые не смогли или не захотели что-то с этим сделать. Некоторые жертвы сперва обращались к друзьям, коллегам или членам семьи. Другие докладывали о насилии начальнику на работе, в дисциплинарную комиссию колледжа или в полицию. И все эти люди, к которым обращались за помощью, сами того не желая, навредили тем, кто им доверился.

Но мы способны на большее. Каждый из нас – часть этой проблемы и часть ее решения. Если мы научимся более разумно анализировать обвинения в насилии, то законодательство и культура начнут меняться. Со временем мы сможем уничтожить комплекс доверия. Но для начала нужно разобраться, как этот комплекс устроен.

⁷ Джеффри Эпштейн – американский финансист, обвиненный в организации проституции и сексе с несовершеннолетними.

⁸ Ар Келли – американский музыкант, обладатель трех премий «Грэмми», признанный виновным в сексуальных домогательствах к женщинам и детям.

⁹ Ларри Нассар – врач сборной США по гимнастике, которого обвинили в педофилии и хранении детской порнографии.

¹⁰ Билл Косби – американский актер, режиссер и сценарист, использовавший при нападении на женщин седативные вещества.

¹¹ Бретт Кавано – американский судья, сексуальный скандал с участием которого мог стоить ему кресла в Верховном суде США.

Глава 1. Вдоль осей власти. Как работает комплекс доверия

Сознательно или нет, но мы склонны распределять доверие в ущерб людям, лишенным социальной власти. Мы сомневаемся в их праве на утверждения – даже на утверждения о собственной жизни. Если их слова угрожают статус-кво, начинает работать механизм комплекса доверия, а если эти слова принадлежат кому-то из маргинализованных и уязвимых слоев общества, этот комплекс начинает работать в полную силу. Такие утверждения мы отрицаем по умолчанию.

Из этого вытекает простое правило: не стоит всегда и во всем доверять женщинам – цисгендерным и трансгендерным¹² – независимо от их расы, социально-экономического или миграционного статуса, сексуальной ориентации. Но сочетание этих характеристик тоже играет важную роль: как нет абсолютно одинаковых женщин, так нет и абсолютно одинаковых проявлений того, что я называю *занижением доверия*.

Когда даешь этому процессу название, сразу начинаешь повсюду его замечать. Он не специфичен и не уникален – он предсказуем и действует по отлаженной схеме. Например, на работе вы сталкиваетесь с занижением доверия, когда ваш труд обесценивают. В медицинских учреждениях – когда вашим описаниям симптомов не верят или не придают значения. При обсуждении зарплаты – когда в ваших просьбах видят раздувшееся самомнение. В школе – когда ваши идеи ни во что не ставят. В личной жизни – когда на вас возлагают ответственность за поведение других. И так далее. Даже если вы подозреваете, что к вам так относятся из-за гендера, вы можете не заметить, что все эти ситуации связаны и с доверием. Узнав, как действует механизм занижения доверия, вы поймете, почему в такие моменты чувствуете унижение.

Когда женщина заявляет, что пережила насилие, повсеместное стремление общества к занижению доверия достигает своего апогея. Здесь сталкиваются гендер, власть, сексуальная привилегия¹³, культурная мифология и юридическая защита. Именно здесь я обнаружила то, что назвала занижением доверия, и то, что считаю его парадигмой.

Большинство обвинительниц и без лишней терминологии понимает, о чем идет речь. Многие жертвы сообщают о пережитом насилии с полной готовностью к пренебрежению. Другие по этой же причине молчат. Возможно, когда-то их уже не захотели выслушать. Или они видели, как обесценивают опыт других жертв. Занижение доверия кажется им неизбежным.

У недоверия жертве могут быть серьезные последствия, ведь доверие – это не просто вера в истинность ее обвинений. Если женщине доверяют, то соглашаются, что описанные ей действия заслуживают внимания и порицания.

Обвиняя кого-то в насилии, жертва делает три заявления: это случилось, это неправильно, это важно.

Если кто-то – будь то любимый человек или должностное лицо – не согласится с одним из этих заявлений, он отвергнет обвинение. Человек может решить, что этих событий просто не случилось. Или что в произошедшем виновата сама жертва. Или что эти действия не так страшны, чтобы уделять им особое внимание.

В описанных ситуациях результат одинаков: человек не убеждается, статус-кво сохраняется. Пока слушатель не примет все части обвинения, – *это случилось, это неправильно,*

¹² Цисгендерной называют женщину, у которой гендерная идентичность совпадает с приписанным при рождении полом, а трансгендерной – ту, у которой эта идентичность с полом не совпадает.

¹³ Понятием «сексуальная привилегия» (англ. *sexual entitlement*) обозначают представление мужчин о том, что женщины обязаны удовлетворять их сексуальные потребности. – *Прим. пер.*

это важно, – он будет воспринимать слова жертвы как ложные или маловажные, а действия абьюзера – недостаточными для обвинений в насилии. Эти три механизма занижения могут наслаиваться друг на друга, и часто они сливаются воедино, но даже одного из них достаточно, чтобы обесценить обвинение.

С занижением доверия сталкивается большинство женщин, обвиняющих мужчин в насилии. И чем *влиятельней* обвиняемый мужчина, тем неизбежнее подозрительность в отношении жертвы. Еще раз отмечу: жертвы мужского пола в равной степени рискуют столкнуться с занижением доверия. Но в этой книге я сосредоточусь на тех, кто особенно угрожает патриархату, – на обвинительницах. Когда в патриархальном обществе на кону оказываются мужские сексуальные прерогативы, доверие к женщинам занижают с особой силой.

У занижения доверия есть обратная сторона – то, что я называю *завышением доверия*. Вместе занижение и завышение определяют комплекс доверия. Как и занижение, завышение распространяется на все три утверждения, сопровождающие заявление о насилии. Благодаря этому обвиняемых редко привлекают к ответственности, а лояльные к ним системы продолжают функционировать.

Все это может казаться естественным и неизбежным. Мы настолько привыкли распределять доверие между мужчинами и женщинами именно так, что часто просто не задумываемся над справедливостью этого соотношения. И все же это очень важная часть механизма комплекса доверия.

Наше общество предоставляет влиятельным мужчинам скрытые преимущества. Как сказала мне философ Лорен Лейдон-Харди, нас учат *«приписывать избыток доверия»* этим мужчинам. У них есть право на последнее слово в суждениях о событиях прошлого, а также в определении их важности и значения. Я бы сказала, что доверие к ним очень сильно завышено. И это завышение *«социально нормативно»*, как выразилась Лейдон-Харди, подразумевая, что *«карта»*, по которой мы коллективно ориентируемся в жизни, требует от нас снова и снова признавать мужской авторитет – авторитет не только в принятии решений, но в понимании устройства мира.

Если сопоставить отношение к обвинению и отношение к отрицанию виновности, наша реакция на обвинение часто будет излишне скептически, а на отрицание – чрезмерно доверчива. Эту реакцию проще всего отследить в типичном противопоставлении *«он сказал – она сказала»*. Но не все обвинения отрицают: порой обвиняемый не может предложить другую версию событий или признает свою вину. Но даже в этом случае доверие к нему может быть колоссальным – только теперь в вопросе вины (*это была не его ошибка, он не виноват*) и важности (*он слишком значимый человек, чтобы страдать от последствий своих действий*).

Когда мы обвиняем предполагаемую жертву или безразличны к ее страданиям, дисбаланс при распределении внимания к участникам истории особенно ощутим. Каждый из механизмов занижения доверия к обвинительнице соотносится с механизмом завышения доверия к обвиняемому. Пока слова первых будут отрицать, а их самих – обвинять и игнорировать, вторых будут поддерживать, оправдывать и чрезмерно ценить.

Мы можем даже не замечать, как автоматически доверяем неправдоподобным опровержениям обвиняемого. Как оправдываем его, перекладывая вину на жертву. Или как не считаем его поступок достаточно серьезным, чтобы что-то предпринять. Но чрезмерное доверие подозреваемому ведет к снижению доверия к жертве.

И в этом нет ничего удивительного, поскольку занижение и завышение доверия произрастают из одного корня – комплекса, распределяющего доверие по осям власти.

* * *

Роуз Макгоуэн¹⁴ – женщина, которая запустила процесс низвержения Харви Вайнштейна. В определенных кругах о проступках продюсера знали уже десятки лет, но никто не обвинял его публично. Ситуация начала меняться осенью 2016-го года, когда актриса и активистка Макгоуэн написала в *Twitter*, что ее изнасиловал некий «глава студии». До этого тред добрались ведущие журналисты, которые еще на ранних этапах своей карьеры занимались репортажами о Вайнштейне и писали, что он мог изнасиловать множество женщин. Год спустя журналисты Джоди Кантор и Меган Туэй в *New York Times* и Ронан Фэрроу в *New Yorker* опубликовали сенсационные разоблачения преступлений Вайнштейна.

В своих мемуарах «Смелая»¹⁵ Макгоуэн описывает, как в 1997-ом году ее пригласили на деловую встречу во время кинофестиваля *Sundance*¹⁶, где проходила премьера ее фильма. Вайнштейн, именуемый в мемуарах «Монстром», работал в своем огромном гостиничном номере, где и проходила эта встреча. Когда все закончилось, продюсер сказал, что проводит Макгоуэн. Но вместо этого, как рассказывает актриса, он затащил ее в джакузи и принудил к оральному сексу. Из отеля она вышла в состоянии шока.

«Я поняла, что моя жизнь никогда не будет прежней», – пишет она.

Тогда Макгоуэн не могла предположить, что по меньшей мере 100 женщин, из которых 20 будут называть нарушительницами тишины, в конечном итоге обвинят Вайнштейна в сексуальных домогательствах или насилии. Самой Макгоуэн потребовалось почти два десятилетия, чтобы выдвинуть обвинения и запустить этот процесс. Но в 1997-ом году она считала, что продюсер изнасиловал только ее, и предпочла никому не сообщать об этом. Как и многие жертвы – известные и неизвестные, обвиняющие и не обвиняющие влиятельных мужчин, – она, сама того не заметив, впитала идею комплекса доверия и не поверила себе:

– Я все вспоминала, как накануне он сидел позади меня в кинозале, – говорит актриса. – Не то чтобы мне показалось, что в этом виновата я, но... все выглядело так, будто я сама отчасти его соблазнила. От этого мне стало еще хуже, и я почувствовала себя еще более мерзко. Я знаю, что другие жертвы чувствуют то же самое. Мы вспоминаем пережитое снова и снова, обвиняя себя, пытаюсь представить, как все могло измениться, если бы что-то сложилось иначе.

Макгоуэн хотела обратиться в полицию, но одумалась:

– Было ясно, что, расскажи я об этом публично, Монстру бы ничего не было, а вот мне... я бы никогда больше не смогла работать, – рассуждает она.

Тогда актриса предположила, что мощное окружение Вайнштейна с его связями в Голливуде, СМИ и политике будет его защищать.

«И это логично, – пишет она. – Это просто бизнес. А я – просто очередная девочка».

Почти два десятилетия спустя, когда Вайнштейн понял, что Макгоуэн больше не может молчать, он собрал команду юристов и шпионов, чтобы начать кампанию по ее дискредитации. Как потом сообщат Кантор и Туэй, Лиза Блум, юрист, успешно продавшая свои услуги Вайнштейну, хотела помочь ему в битве с Роуз Макгоуэн и «с остальными Розами мира». В своей записке Вайнштейну Блум предложила «провести ответную онлайн-кампанию, чтобы дать ей отпор и выставить ее патологической лгуньей». Блум также предложила разместить

¹⁴ Роуз Макгоуэн – американская актриса, наиболее известная по своей роли Пейдж Мэтьюс в телесериале «Зачарованные».

¹⁵ Оригинальное название книги: «Grave». На русском языке она вышла в 2018-ом году в издательстве АСТ.

¹⁶ *Sundance Film Festival* – ежегодный национальный американский кинофестиваль независимого кино.

в интернете *«статью о том, что актриса постепенно сходит с ума, чтобы этот материал был первым в выдаче при поиске ее имени в Google и тем самым подрывал ее авторитет»*.

Кампания сработала. Как выразилась Макгоуэн: *«Они очень, очень хорошо поработали. И люди хотят верить в это, понимаете? Так им проще смириться с тем фактом, что произошло что-то ужасное. Ночью они закутываются в свои одеяла и сладко засыпают, уверенные, что такое бывает только с плохими людьми, но это не так»*.

По словам Макгоуэн, сразу после изнасилования новости о случившемся каким-то образом *«распространились по Голливуду, как лесной пожар»*, и она оказалась в черном списке индустрии:

– Казалось, каждая сволочь в Голливуде знала, что в какой-то момент я была уязвима и меня осквернили. И наказали за это именно меня. Ощущалось это так, будто меня насиловали снова и снова. Все просто хотят держаться от насилия подальше, чтобы им было спокойней, – замечает Макгоуэн.

Чтобы сексуальных притеснений не существовало, *«розы этого мира»* необходимо затоптать.

Неравномерное распределение доверия

Уровень доверия общества к обвинительницам меняется в зависимости от характеристик самой жертвы. Обвинения женщин из маргинализованных, менее статусных или уязвимых групп обычно кажутся еще более сомнительными. Имеют значение социальный класс, карьера, миграционный статус, наличие вредных привычек, сексуальный опыт и сексуальная ориентация. И особенно важна раса, которая *«неотделима от пола»*, как подметила правовед Трина Грилло.

Как правило,

мы больше доверяем тем, у кого больше власти.

Если предполагаемая жертва уже находится в относительно невыгодном положении, она проигрывает, а обвиняемый, который уже занимает относительно привилегированное положение, выигрывает.

Но есть одно примечательное исключение. Когда белая женщина заявляет о сексуальном насилии со стороны темнокожего мужчины, наделенные властью белые охотно ей верят. Как писала историк Эстель Фридман: *«Ничто лучше не иллюстрирует идею расового превосходства, чем реакция на изнасилование»*. Миф о темнокожих сексуальных преступниках и незащищенных белых женщинах закрепился еще во времена рабства, когда обвинения в изнасиловании против темнокожих мужчин, какими бы необоснованными они ни были, обычно использовали для оправдания жестокости белых – как в рамках правовой системы, так и за ее пределами. Пока обвинения в изнасилованиях стратегически использовали против темнокожих, белым разрешалось безнаказанно насиловать своих рабынь. Фридман выяснила, что к концу XIX века понятие изнасилования определялось двумя наборами представлений о расе:

«Во-первых, темнокожую женщину нельзя изнасиловать, во-вторых, темнокожие мужчины угрожают достоинству белых женщин».

Даже сегодня этот мрачный период напоминает о себе через реакцию жителей США на сексуальное насилие. Многие небелые жертвы упоминают свою расу при описании последствий насилия, чего не скажешь о большинстве белых женщин. Как заметила Грилло, они *«часто воспринимают себя не как белых, а как людей без расы»*. К какой бы расе ни принадлежала обвинительница, это повлияет на готовность других ей поверить¹⁷.

¹⁷ В историях я буду указывать расовую принадлежность только там, где обвинительницы делают это сами, чтобы избежать

Рассмотрим историю Венкайлы Хейнс.

Недавно она закончила колледж. Девушка утверждает, что ее изнасиловали в начале первого года обучения. Когда я расспросила ее о дальнейших событиях, она объяснила, что ее нежелание официально заявить об инциденте связано с еще более далеким прошлым: в 12 лет она неоднократно подвергалась сексуальному насилию со стороны члена ее церкви, который активно участвовал в жизни молодежной группы. Он *«никогда ничего не просил»* у церкви, сказала Хейнс, *«но взамен насиловал темнокожих девочек»*. Она *«знала, что все это неправильно»*, но никому об этом не рассказывала, продолжая терпеть насилие.

– Как будто кто-то просто отобрал у меня голос... Все время, пока меня насиловали, я молчала.

Пока Хейнс молчала, другая девочка – еще одна жертва того же мужчины – решила на него пожаловаться. Она сделала это публично, но церковь никак не отреагировала. *«В следующее воскресенье он снова был в церкви, – вспоминает Хейнс. – И в тот же день домогался до меня как ни в чем не бывало»*. Все это длилось более пяти лет, пока ее семья не переехала. Тогда Хейнс впервые столкнулась с занижением доверия, и это событие сформировало ее взгляд на мир и свое место в нем.

Много лет спустя, когда Хейнс изнасиловали в университетском кампусе, она не смогла об этом рассказать. По словам девушки, ее изнасиловал спортсмен в соседнем колледже. Он был ее близким другом, а также одним из первых, с кем Хейнс поделилась историей насилия в детстве. Когда все закончилось, она решила не привлекать полицию:

– Я темнокожая, я женщина, так что я не из тех, кто тут же набирает 911 или доверяет правоохранительным органам, учитывая отношение общества к сексуальному насилию, жестокость полиции и тот факт, что это очень, очень большая тема.

Она также вспомнила прошлое, в котором член церкви мог безнаказанно растлевать ее и других девочек, когда все об этом знали.

Хейнс, новоиспеченная студентка колледжа, не сомневалась, что это было именно изнасилование, но не знала, стоит ли сообщать о пережитом руководству кампуса. Она не понимала, найдутся ли у нее *«силы»* рассказать об этом, и поверят ли ей просто так. Она не знала, защитят ли ее *«на этот раз»*, или, как в детстве, ей снова придется *«защищать других людей»*.

Прекрасно понимая, что ее истории могут не придать особого значения, она все же решилась рассказать о произошедшем. Однако колледж решил, что виновата *сама Хейнс*. Как она вспоминает, ей сказали: *«Не надо было уходить за пределы кампуса. И не надо было надевать это платье. И общаться с этими мальчиками тоже. Надо было сидеть и учиться»*. *«Во всем оказалась виновата я»*, – подчеркивает она.

В конечном итоге Хейнс отказалась от обвинений.

– Казалось, будто меня заставили защитить собственного обидчика вопреки моей боли, моим чувствам и моему опыту, – объясняет она. – И никто не хотел защищать меня.

В итоге она чувствовала, что случившееся с ней не важно, а значит и *«ее жизнь не так уж ценна»*.

Позже она написала: *«Жизни черных женщин, которых изнасиловали, не важны»*.

Доверие к темнокожим женщинам занижают несколько иначе, чем к белым женщинам. У темнокожих женщин не просто более низкий статус – у них *другой* статус. Как заметила правовед Анджела П. Харрис, темнокожие женщины – это *«небелые женщины, только в худшем положении»*. Когда речь идет о доверии, устоявшиеся мифы о сексуальности темнокожих женщин еще сильнее искажают восприятие их обвинений, что приводит к недоверию и безразличию.

Возьмем дело адвоката Аниты Хилл. Она обвинила в сексуальных домогательствах Кларенса Томаса. Слушания по этому делу проходили почти 30 лет назад, но до сих пор считается, что они сильно повлияли на дальнейшее развитие США. Как писала журналистка Джейн Майер:

«Слушания превратились в безобразное выяснение отношений, где Томас и его защитники изо всех сил пытались унижить достоинство Хилл и подорвать к ней доверие. Например, они без каких-либо реальных доказательств обвиняли ее во лжи, додумывании и эротомании».

Скептически настроенные по отношению к заявлениям Хилл указывали, что она отказалась подать жалобу на Томаса несколькими годами ранее, когда ушла из Комиссии равных возможностей при найме, где работала у него в подчинении. Примерно тогда Хилл рассказала их общему другу, что уже около двух лет Томас ее домогается.

– Не может быть! – ответил ее друг.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Хилл.

– Не то чтобы я тебе не верю, но не могу поверить, что Кларенс Томас на такое способен.

Хилл заплакала. Этот разговор, по ее словам, *«определил ее готовность обсудить пережитое с кем-нибудь еще».*

– Если так отреагировал мой друг, вряд ли стоит ожидать чего-то другого от сторонников Томаса, – вспоминает она свои мысли.

Она не поднимала эту тему почти 10 лет.

Когда Хилл публично обвинила Томаса, которого к тому времени почти назначили членом Верховного суда, ей снова не поверили. Томас получил должность, а Хилл – разрушенную репутацию. В консервативных кругах ее часто изображали невменяемой и похотливой, *«немного странноватой и немного шлюховатой»*, как написал один политический обозреватель.

Размышляя о своем опыте, Хилл отмечает, что темнокожие женщины как группа долгое время считались *«развратными и легкодоступными»*. Во времена рабства *«сексуальное насилие над ними не было преступлением»*, а жертв, *«которые осмеливались пожаловаться, обвиняли в неадекватности или выдумывании какого-то неправильного отношения к ним»*. Сотни лет спустя утверждения Хилл отрицали под таким же предлогом. Она пишет:

«Созданный обществом ложный образ эротоманки, которая из-за возжелания не отличается фантазии от реальности, прекрасно вписывается в миф о сексуальности темнокожих женщин».

Когда темнокожая женщина делает три заявления – *«это случилось, это неправильно, это важно»*, – доверие к ней и ее словам падает с двойной скоростью. К обвинениям любых жертв часто относятся с безразличием, даже если верят в их истинность, но слова темнокожих женщин обесценивает не только общество в целом, но и расовое сообщество в частности. Анита Хилл чувствует, что ее принуждают *«отказаться от гендера в пользу защиты расовой идентичности»*. По ее словам, это заставляет темнокожих женщин молчать о насилии. *«Запрет рассказывать о домогательствах, домашнем насилии и даже изнасилованиях связан с историями об издевательствах над темнокожими мужчинами и их линчевании, – добавляет Хилл. – Нам говорят: страдать будет либо только жертва, либо все сообщество, если она расскажет о произошедшем».*

Каждый из трех механизмов занижения – недоверие, обвинение, пренебрежение – применяют к темнокожим женщинам с особой мстительностью. Одно исследование показало, что в ответ на рассказ членам семьи о сексуальном насилии темнокожие жертвы чаще всего слышат, как факт нападения отрицают, их самих обвиняют в произошедшем или же к их обвинениям относятся с пренебрежением.

Подверженные большому риску сексуального насилия чаще остальных сталкиваются с этими механизмами, из-за чего их желание поделиться пережитым становится еще меньше. Психологи, изучавшие нежелание темнокожих женщин рассказывать об абьюзе, обнаружили *«культурный мандат афроамериканских преступников-мужчин на защиту от фактического и предполагаемого несправедливого обращения со стороны системы уголовного правосудия»* (подавляющее большинство случаев сексуального насилия происходит внутри одной расы, за исключением нападений на женщин коренных народов, которые, как показывают исследования, чаще всего носят межрасовый характер).

Заявление темнокожей женщины о насилии могут расценить как акт предательства. Активистка-феминистка и исследовательница афроамериканистики Саламишах Тиллет пишет, что *«стереотип о темнокожем мужчине-насильнике... запугал темнокожих женщин, которых афроамериканские мужчины вынуждают молчать под угрозой обвинения в предательстве расы или, того хуже, в потворстве системе уголовного правосудия, которая лишает свободы темнокожих мужчин несоразмерно чаще, чем белых»*. Принуждение темнокожих женщин к обету молчания приводит к *«форме самоотречения, чреватой еще большим разложением»*, как однажды заметила Анита Хилл.

Основательница движения *Me Too* Тарана Берк продолжает заниматься проблемами обычных жертв, на которых обращают куда меньше внимания, чем на знаменитостей. Берк призывает признать важность их страданий, чтобы их историям тоже начали придавать значение. Но, как подчеркивает Дрим Хэмптон, исполнительный продюсер документального сериала *«Выжить после Ар Келли» (Surviving R. Kelly)*¹⁸, темнокожие женщины ожидают иной реакции и поэтому предпочитают ничего не рассказывать. *«Именно так они заставляют темнокожих женщин молчать – подчеркивая, что страдания темнокожих мужчин от системы правосудия превосходят любые другие страдания»*, – замечает она.

«Нашим женщинам всегда приходилось расставлять приоритеты в пользу общей расовой борьбы, иногда жертвуя достоинством и безопасностью. Но если сегодня они осмелятся сказать хоть одно дурное слово о темнокожих насильниках, их обвинят в неверности нашему наследию и культуре», – пишет журналист Джамиль Смит.

В мире, где о насильниках заботятся больше, чем о жертвах, у темнокожих женщин еще больше причин молчать, ущемляя собственные интересы.

Независимо от расы небелых жертв обычно ставят ниже их обидчиков. *«Небелые женщины занимают совсем другое положение в экономической, социальной и политической сферах общества»*, – пишет профессор права Кимберли Уильямс Креншоу, которая ввела термин *«интерсекциональность»*¹⁹, чтобы подчеркнуть, насколько важно учитывать пересечение идентичности и неравенства. Будь обвинительница темнокожей, латиноамериканкой, азиатско-американкой или мусульманкой, ее социальный статус, раса, религиозная принадлежность и многое другое будут влиять на доверие к ней и ее словам.

Женщины коренных народов сталкиваются с занижением доверия примерно так же, как и другие небелые женщины, но здесь есть свои особенности. Профессор права, лауреат стипендии Макаргура²⁰ и представительница народа маскоги (крик)²¹ из штата Оклахома Сара Дир посвятила более двух десятилетий помощи жертвам гендерного насилия среди коренных народов, которых она называет *«не просто самыми виктимизированными, но и самыми под-*

¹⁸ Картина о предполагаемых жертвах насилия со стороны Ар Келли вышла в 2019-ом году.

¹⁹ Интерсекциональность – явление, при котором различные формы или системы угнетения, доминирования или дискриминации пересекаются.

²⁰ Стипендия Макаргура – награда, которую ежегодно предоставляет фонд Джона и Кэтрин Макаргур гражданам или резидентам США, «демонстрирующим исключительные достижения и потенциал для долгой и плодотворной творческой работы». Иногда награду называют «грантом для гениев».

²¹ Маскоги – индейский народ, проживавший в доколониальный период на юго-востоке США.

линными жертвами, первыми жертвами политического и политизированного сексуального насилия». Показатели насилия над женщинами коренных народов ошеломляют: по государственным подсчетам, больше половины из них хотя бы раз в жизни подвергается насилию. В некоторых общинах, особенно в отдаленных деревнях, эти показатели еще выше.

– В их жизни насилие скорее произойдет, чем нет, – говорит одна из активистов в области охраны здоровья женщин в резервации племени янктон-сиу²² в Южной Дакоте.

Чиновники настолько занижают доверие к жертвам среди коренного населения, что пережившим насилие кажется, будто рассказ о произошедшем ни к чему не приведет. Эти женщины прекрасно осознают, что их просто никто не станет слушать.

– Когда ты слышала или своими глазами видела, как мама, сестра или тети рассказывают о насилии, и никто ни черта не делает, то как ты можешь решить, что в твоём случае все будет иначе? – спрашивает Дир.

Обычно племенные общины территориально обособлены от сотрудников правоохранительных органов, ответственных за их защиту, и присяжных, которые теоретически должны выносить вердикт по их делам. В континентальных штатах обычно именно федеральные власти занимаются расследованиями сексуального насилия среди коренного населения, а не сами племена, поскольку последние не имеют возможности наказать нарушителей не из коренных народов (которые, повторюсь, ответственны за большинство случаев насилия женщин из их племен). Это создает ощущение оторванности и подчеркивает безразличие чужаков, ответственных за расследование дел, к страданиям этих женщин.

Местные правоохранительные органы также равнодушны к проблемам женщин коренного населения. Несколько отделений полиции Аляски уже обрели дурную славу за нежелание рассматривать жалобы на сексуальное насилие. Показательны наблюдения Гретхен Смолл, которая служила в полиции города Ном в середине 2000-х. Она рассказывает, как вскоре после поступления на службу поняла, что ее отделение постоянно отклоняет заявления от женщин коренного населения. Из раза в раз полиция обвиняла и игнорировала их.

Смолл вспоминает, как женщина из коренных племен сообщила, что выпивала в баре, а потом проснулась в гостиничном номере с несколькими мужчинами. Один из них рассказал, что, пока она была без сознания, пятеро других неоднократно ее насильовали. Выслушав рассказ жертвы, Смолл вернулась в полицейский участок и приступила к расследованию, но двое коллег-офицеров сказали ей, что этот эпизод не был изнасилованием, ведь обвинительница была пьяна. Когда Смолл напомнила им, что секс с жертвой в бессознательном состоянии считается преступлением, офицеры *«засмеялись и указали мне на стопку дел»*, объяснив, что *«если у жертвы «были эпизоды употребления алкоголя или случайных связей»*, дело *«никогда не будут расследовать»*.

В Номе, как и везде, веры в то, что насилие произошло, недостаточно, чтобы начать действовать. Адвокат одной из местных жертв заметил устоявшееся *«представление, закрепившееся и в правоохранительных органах, и среди самих членов сообщества: если с человеком происходит нечто подобное, то... он сам виноват»*.

Порицание – не единственный механизм занижения доверия к жертвам коренных народов.

Отдельная проблема – равнодушие. Многие полицейские совершенно безразличны к тяжелому состоянию жертв.

По словам Смолл, однажды ей приказали прекратить расследование в отношении белого мужчины, подозреваемого в изнасиловании 14-летней девочки из коренного населения Аляски.

²² Янктон-сиу – индейский народ, проживающий на севере США.

«Он не по девочкам, – вспоминает Смолл слова сержанта. – Он просто спаивает женщин в баре и отвозит их в тундру, чтобы заняться сексом... Он хороший парень».

После этого и других случаев Смолл вынудили признать, что *«женщины коренного населения здесь ничего не значат»*. Более того: некоторые адвокаты призывали их не сообщать о насилии.

Больно это признавать, объясняет Сара Дир, но желание выступить с показаниями лишь усугубляет травму [от нападения], когда тебе никто не помогает.

И для многих жертв – не только среди коренного населения – отсутствие поддержки больше самого насилия.

Жертвы из маргинализированных групп готовы к тому, что их слова пропустят мимо ушей. Как написала одна транс-женщина, которая решила не сообщать о насилии:

«Пока многие жертвы сталкиваются с недоверием, транс-жертвам грозит особое неприятие, поскольку какая-то часть общества думает, что трансгендерные люди «слишком отвратительны», чтобы их насиловали. Поэтому я молчала».

Чем меньше жертве доверяют, тем больше у нее причин молчать.

Несмотря на то, что обвинительницам доверяют в разной степени в зависимости от целого ряда причин, всех их объединяет одно: отсутствие разбирательств после заявления об абьюзе похоже на повторное насилие. И часто жертвы продолжают молчать, чтобы общество их не отвергло. Молчание пережившей насилие – результат того, что я называю *ожидаемым занижением доверия*.

Как комплекс доверия вынуждает жертв молчать

Эбби Хонольд родилась и выросла в Миннесоте с пятью братьями и сестрами в семье среднего класса. Она поступила в Миннесотский университет, который окончила в 2017-ом году, пройдя *«долгий и неприятный»* путь.

Несколькими годами ранее Хонольд изнасиловали в бессознательном состоянии.

Я чувствовала, что это полностью моя вина, – объясняет она, добавляя, что до нападения принимала наркотики вместе со своим насильником. – Казалось, что во всем виновата только я. И если я сама так думала, то что бы сказали копы?

До нашего разговора о случившемся знали только несколько ее друзей и врач.

Девушка отказалась обратиться в полицию, и это связано с другим мужчиной в жизни Хонольд, Дэниелом Дрил-Меллумом, который изнасиловал ее примерно за год до этого. В тот раз все было иначе: после нападения Хонольд отвезли в больницу на скорой помощи. Она подала заявление в полицию и не считала себя виноватой – по крайней мере, сначала.

Но с заявлением обошлись довольно небрежно: Хонольд приняли за обманщицу, пожалевшую о сексе по обоюдному согласию. После этого Хонольд снились кошмары, в которых она звонила по номеру 911, но никто ей не отвечал.

Первое изнасилование было крайне жестоким. Через дорогу от места, где это произошло, сотни студентов отмечали итоги футбольного матча между Миннесотой и Айовой. Хонольд познакомилась с Дрил-Меллумом через общего друга и согласилась сходить к нему домой, чтобы помочь принести водку на вечеринку. Как только они вошли, Дрил-Меллум затащил Хонольд в спальню и, несмотря на сопротивление, грубо снял с нее одежду, оставив царапины на ногах.

«Я просто оторопела», – объясняла позже Хонольд. Он бросил ее на кровать и насиловал (анально и вагинально), кусал и душил, пока она ненадолго не потеряла сознание.

«Я думала, что умру, но перспектива не казалась такой плохой, ведь тогда все это закончится».

Но когда насильник оставил ее, и Хонольд сказала, что уходит, он вновь над ней надругался.

– В этот раз я изо всех сил пиналась, вырывалась и пыталась встать, потому что понимала, через какой ужас мне предстоит пройти, – сказала девушка.

Когда Хонольд наконец удалось сбежать из квартиры, она запаниковала. Стоял солнечный и ясный полдень, и она вернулась на вечеринку.

«По мне было видно, что что-то случилось. Волосы растрепаны, одежда измята, макияж размазан слезами. Ко мне начали подходить студенты... И я слышала, как некоторые из них говорили что-то вроде: «Боже, думаете, ее изнасиловали или что-то типа того? Какой ужас». Даже слышать об этом было отвратительно, так что я свернулась калачиком... И просто начала плакать».

Кто-то из студентов посоветовал Хонольд позвонить 911, что она и сделала. Сначала приехала полицейская машина, а затем – скорая помощь. Как рассказала мне девушка, полицейские посоветовали ей ехать в больницу без друзей, потому что они могли повлиять на ее восприятие произошедшего. Ей не разрешили позвонить маме.

– Можешь позвонить ей позже, – строго сказал офицер. – Все-таки ситуация довольно унижительная.

– А ты дала этому мальчику понять, что он насилует тебя? – спросил другой офицер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.